

6082
ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АКАДЕМИК Я. А. МАНАНДЯН.

НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ В АРМЕНИИ ПРОТИВ АРАБСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

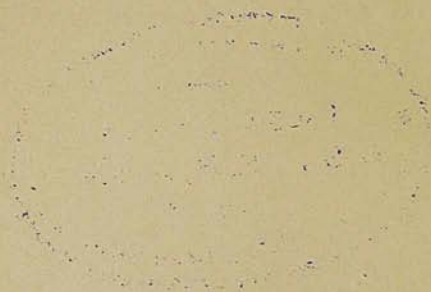
Лекция, прочитанная в лекториуме Ереванского Государственного Университета в связи с тысячелетием великого армянского народного эпоса „Давида Сасунского“.

Перев. А. А. Паповян.

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЕРЕВАН

1989

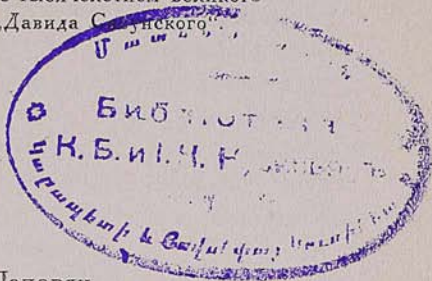

АКАДЕМИК Я. А. МАНАНДЯН.

НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ
В АРМЕНИИ
ПРОТИВ АРАБСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

к/с
7179
6747

Лекция, прочитанная в лекториуме Ереванского Государственного Университета в связи с тысячелетием великого армянского народного эпоса „Давида Селунского“.

Перев. А. А. Паповян.

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ответ. редактор А. ИОАННИСЯН
Корректор М. АХНАЗАРЯН
Упол. Главлита И 2884, Заказ № 672, Тираж 500

Типография Издательства Госунта, Ереван, Теряц 72

НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ В АРМЕНИИ ПРОТИВ АРАБСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

В европейской исторической науке обычно господствует мнение, будто в отношении своих угнетателей-тиранов восточные народы всегда безропотны и покорны. Знаменитый немецкий историк Т. Моммзен, например, в своей „Истории Рима“ утверждает, что азиатам свойственна беспредельная пассивность и что они лишены способности поднять по собственной инициативе восстание против эксплуатирующей власти.¹⁾

Взгляд этот, как увидим, абсолютно неправилен. Новейшие исследования, главным образом, русских востоковедов— академ. Бартольда, проф. Якубовского и др., равно как и сегодняшняя моя лекция, представляют явное доказательство того, что народные движения и восстания происходили периодически не только в средневековой России и Западной Европе. Они происходили также в Армении и на Ближнем Востоке. Бунты и восстания крестьян, ремесленников и даже рабов, как установлено названными русскими учеными, были почти постоянным явлением, особенно в период арабского владычества, на протяжении IX—X в.в.

Когда заходит речь об этих движениях, необходимо прежде всего иметь в виду, что все они или носили социально-классовый характер, или представляли собою народно-освободительные движения против гнета и эксплуатации чужеземных завоевателей.

Движения социально-классового характера на Ближнем Востоке развивались, как это установлено в настоящее время, главным образом, под влиянием учения Маздакистов. При

¹⁾ Т. Моммзен—„История Рима“, т. II, Москва, Соцгиз, 1937 г. стр. 250.

сассанидском царе Каваде (488—531 г.г.) учение это, как известно, получило беспрепятственное и широкое распространение в Персии, где оно пользовалось огромным успехом среди низших слоев населения. В своей религиозной части секта эта представляла явную смесь Зороастрового дуализма и персидско-христианского манихеизма. В социальной же своей части она проповедывала отмену феодально-сословных привилегий, всеобщее равенство, а также общность имущества и жен. Неравенство, согласно учению Маздака и его последователей,—начало злое и дьявольское; установление же равенства—требование справедливое и соответствует воле доброго бога.

Я счел необходимым особо остановиться на этой религиозно-социальной секте потому, что, подвергаясь впоследствии, в последние годы царствования того же Кавада страшным гонениям, Маздакиты бежали частью и в Азербайджан, распространяли свое учение в Закавказье и, повидимому, также и в Армении. Известно, что секта перса Бабека и его последователей, т. н. „Хуррамитов“, получившая в первой половине девятого века распространение в Азербайджане, также включала в себе требование имущественного равенства, что, несомненно, должно быть приписано влиянию Маздакитов. Вполне допустимо также предположение, что эти персидские сектанты могли иметь определенное влияние и на секты армянских Павликианов и Тондракийцев. Однако вопрос этот пока нуждается во внимательном и серьезном изучении, фактическом обосновании и доказательствах на базе убедительных литературных свидетельств.

Иного характера были, как указано выше, народно-освободительные движения против чужеземного владычества. И главную тему моей сегодняшней лекции составляют два крупных армянских восстания VIII—IX веков, относящихся именно к категории народно-освободительных движений и направленных против арабского владычества. На классовых-же движениях религиозно-социального характера, происходивших в Армении, я останавлиюсь специально в следующей моей лекции на тему: „Города в Армении в X—XI в.в.“.

* * *

Арабское владычество установилось в Армении, как известно, в начале пятидесятих годов седьмого века. В первый период владычества новых завоевателей, начиная приблизительно с 650-го до 750 года, следовательно, в течение почти целого столетия, Армения находилась под властью халифов Омейядов; с 750-го же до 887 года, т. е. до образования царства Багратидов, Армения подчинялась халифам из рода Аббасидов. В первый период арабского владычества центр халифата находился в Дамаске и преобладающую роль в новом завоевательном государстве играли арабы Сирии; во второй же период — центром сделался Багдад, основанный в 762 году, и преобладающую роль в халифате играли Иракские арабы и принявшая магометанство персидская знать.

Для характеристики завоевательной экспансии арабов представляет особый интерес свидетельство арабского историка Якуба в его „Книге о харадже“, в которой он приписывает халифу Омару следующие характерные слова:

„Магометане едят их (завоеванных), пока они сами живы, когда же умрем и мы и они, наши дети будут есть их детей (детей завоеванных) при своей жизни“.

Этими „едоками“ и эксплуататорами являлись, конечно, исключительно халифы из Омейядов и Аббасидов, также господствовавшие при них сословия, между тем как низшие слои арабского и магометанского населения сами находились в тяжелом экономическом положении.

При Омейядах, особенно в начальный период их господства, арабское владычество в Армении, равно как и чужеземная эксплуатация населения, — конечно, главным образом эксплуатация низших его слоев, — были сравнительно мягкие и терпимые. Эта мягкая и осторожная политика завоевателей объясняется просто тем обстоятельством, что Омейяды учитывали крупное стратегическое и военное значение Армении и желали, сохраняя ее внутреннюю самостоятельность и прежние нахарарские¹⁾ порядки, использовать ее военные силы для защиты своих новых границ против Византии и хазаров. Этой

¹⁾ *Прим. ред.* Нахарарами назывались в феодальной Армении члены высшей военно-землевладельческой знати, крупных княжеских родов, владеющих обширными областями.

политике Омейядов добровольно шли навстречу и сами армянские нахарарства. Не рассчитывая на помощь греков в виду непрерывных поражений, которые одно за другим терпели византийские войска, нахарары подчинились халифату и заключили с ним специальный договор.

Союзный договор, которым нахарарствам предоставлялась внутренняя самостоятельность, был заключен ими с халифом Муавией в 653 году. О крупных привилегиях, предоставленных нахарарам, дает представление содержание этого союзного договора.

„Пусть послужит это — договаривается Муавия — обетом мира между мною и вами, пока вы пожелаете его. В течение трех лет я не буду взимать с вас налогов, по истечении же этого срока вы будете вносить их мне согласно вашей клятвы и в размере — по вашему усмотрению. Вы должны содержать в своей стране конницу в 15.000 человек и сами же продовольствовать ее. Стоимость продовольствия я зачту в счет причитающегося налога. Конницы вашей я не уведу в Сирию, но она должна быть готова к походу во все прочие места, куда бы я ни приказывал. Я не пошлю в ваши крепости ни эмира, ни арабского офицера и ни одного даже всадника. Враг не должен вступить в Армению, но если нападут на вас греки, я пошлю вам в помощь войска в количестве по вашему желанию. Клянусь именем великого бога, что не лгу“.¹⁾

По этому договору, как видим, армянские нахарарства получали право на автономию и исключительные привилегии. Несмотря на это, арабское владычество, даже в начальный период своего существования, оказалось для Армении бедственным и губительным. В периодически повторявшихся войнах она подвергалась постоянным нападениям и разорению. Если она оставалась верна халифату, — жестоко наказывали ее греки, если же переходила на сторону Византии, — мстили ей арабы.

¹⁾ Себеос, „История походов Ираклия“, на арм. яз., СПб. 1879 г. стр. 138.

Опустошения и экономическое разорение Армении в период владычества Омейядов вполне определенно отмечены в хронике сирийского историка Дионисия из Тель-Махрэ. Описывая военный поход арабского полководца Масламы в Византию (в 716—717 г.г.) и его появление в долине реки Арацания и во внутренней Армении, Дионисий пишет.

„Раньше вся эта страна бросалась в глаза и имела многочисленное население, много виноградников, зерновых посевов и всякого рода чудных насаждений. В дальнейшем, однако, она разорилась и в районах ее не осталось больше населения“.¹⁾

* * *

Если в первый период владычества халифов Армения разорялась в результате византийско-арабских войн, происходивших часто на ее территории, то во второй период их владычества, главным образом в восьмом веке, страна обескровливалась не столько вследствие этих войн, сколько под гнетом тяжелых и невыносимых налогов.

При господстве Омейядов, особенно в первый период этого господства, государственные налоги в Армении были сравнительно не тяжелые. Это видно не только из условий вышеприведенного союзного договора, но также из интересного свидетельства армянского летописца XII века Самуила Анийского. По словам последнего халифат при своем утверждении в Армении

„взимал с каждого двора по четыре драма, по три модия хорбала (т. е. просеянной пшеницы), по одной переметной сумке, по одной волосяной веревке и по одной рукавице. Со священников-же, равно как с азатов²⁾ и со всадников приказано было не взимать налога“³⁾.

¹⁾ См. „Chronique de Denys de Tell-Mahré“, publ. et trad. par Chabot. Paris, 1895, p. 12.

²⁾ *Примеч. ред.* Азатами назывались в феодальной Армении социально привилегированные мелкие землевладельцы, которые были свободны от налогов, но были обязаны служить в коннице. Большая часть азатов являлась, как и мелкая знать в средневековой Европе, держателями феодалов.

³⁾ Самуил Анийский. „Выдержки из произведений историков“, на арм. яз. Вагаршапат. 1893 г. стр. 82.

В приведенной выдержке имеются в виду: модий или грив, хлебная мера в Армении VII века, равная по весу,—как было указано в моем труде „Веса и меры“ (стр. 75—79),—9 клгр. 792 грам. Драм—сассанидская серебряная монета, имевшая хождение в том-же веке на Ближнем Востоке и ответственствовавшая по своей денежной стоимости приблизительно 50 золот. коп.¹⁾ Следовательно, по этому расчету, 3 модия пшеницы взимавшиеся халифатом с каждого двора, составляли 29 клгр. 376 гр. или около 2 пудов; упомянутые-же 4 драма—около 2 золотых рублей. Реальная стоимость этой суммы в седьмом веке была довольно высокая. Пуд пшеницы в этот период ценился приблизительно в 25—50 копеек золотых.

Не лишне отметить также, что всадники, упоминаемые в вышеприведенной выдержке вслед за азатами, представляли, повидимому „конницу“, из рамиков (простолудинов), существовавшую уже в период марзпанов. Достоинно внимания то, что конница эта, освобожденная наравне с „азатами“ и священниками от налогов, получала от Омейядов специальное жалованье в размере ста тысяч дахека²⁾ (около 550.000 золотых рублей) годовых. Совершенно ясно, следовательно, что налоги, взимавшиеся в Армении при Омейядах, не только не были обременительны, но и значительная часть их выплачивалась в виде жалованья армянской-же коннице.

* * *

Арабская налоговая политика в Армении подверглась коренному изменению в последний период господства Омейядов, при халифе Хишаме (724—743 г.г.). В первый или во второй год своего царствования халиф этот приказал своему полководцу Херту произвести в Армении всеобщую перепись и увеличить там налоги. Интересные сведения, относящиеся

¹⁾ См. Я. Манандян. „Материалы по истории экономической жизни древней Армении“, II. Ереван, 1928 г. стр. 29, прим. 6.

²⁾ См. Вардан. Всеобщая история, на арм. яз. Венеция, 1862 г. стр. 74 (гл. XXIX). Указанную в тексте сумму в 100.000 некоторые из исследователей-армян принимали за драмы или дирхемы, что явно неправильно.

к этому мероприятию Хишама, сообщают историки Гевонд и Моисей Каланкатуйский. Сообщения их привожу полностью:

1. „История Гевонда“. Гл. XVII, стр. 100, на арм. яз., изд. 1887 г.

„И в первый-же год его (Хишама) царствования зародилась в нем злая мысль: некоего своего полководца, по имени Херт, он отправил в армянскую страну произвести там всеобщую перепись и увеличить бремя ее налоговой повинности разными тяготами... И много зла причинил он нашей стране, до того много, что все стонали под тяжестью притеснений и никому не было житья от этих невозможных тягот“.

2. Моисей Каланкатуйский. „История Агван“. Кн. III, гл. XVII, на арм. яз., Москва, 1860 г. стр. 258.

„А в сто семьдесят четвертом году по летоисчислению Армян (по нашему летоисч. в 725 году), летом имел место падеж скота, а зимою того-же года—происходила всеобщая перепись Херта, который обложил бесчисленными налоговыми повинностями людей, скот и земельные площади“.

Приведенные свидетельства показывают, что в 725 году в Армении были учтены люди, скот и земли. С этой переписью явно отменялись все прежние налоговые привилегии феодальной Армении. Налоги впредь подлежали взиманию не с домов или с дымов, как раньше, а подушно и поголовно, а также по размеру и, вероятно, по качеству земельных угодий. В корне менялся характер подымного налога и вводилась новая система подушной подати, налога на скот и поземельного налога, система, обратившаяся вскоре в настоящее бедствие для всей страны вообще и для податных рамиков—в особенности.

Это было то тяжелое арабское налоговое иго, которое в VIII веке подняло на ноги угнетенную страну и послужило причиной крупных народных восстаний против халифата.

* * *

В середине восьмого века в арабском халифате произошел большой политический переворот. В 748 году начались в нем внутренние раздоры и в 750 году, после упорных

и продолжительных боев был убит последний халиф из рода Омейядов—Мерван и власть перешла в руки Аббасидов и иракских арабов.

Воспользовавшись этим междоусобием, армянские нахарары решили сбросить с себя арабское иго и, в надежде на помощь Византии, восстали под предводительством Григория Мамиконяна. Восстание, однако, не удалось. Ашот Багратуни, правитель и патрик Армении, которого принудили к участию в восстании, равно как и часть нахараров, вскоре откололись от Григория Мамиконяна и его сторонников и добровольно подчинились арабам.

После утверждения власти Аббасидов положение в Армении стало нестерпимым. Основатель династии Аббасидов, Абу-л-аббас ал-Саффах (750—754 гг.) направил в Армению, в качестве правителя ее, брата своего Абу-Джафар ал-Мансура. За время правления последнего подавляющее большинство податного населения Армении впало в крайнюю нищету. Не удовлетворившись резким увеличением существующих налогов, арабы стали требовать с населения и налоги за предыдущие три года, не выплачивавшиеся за все время, пока продолжалось нахарарское восстание.

Историк Гевонд свидетельствует, что ал-Мансур требовал налог даже с мертвых, почему он и приказал священникам представить списки умерших и их семейств. Сущность этого сообщения Гевонда, оставшаяся не вполне понятой многими, совершенно ясна и заключается, по моему, в том, что ал-Мансур распорядился взыскать с наследников подушную подать за тех из умерших, которые вследствие восстания не внесли налоги халифату при жизни. Бежать в какую-либо другую область и тем самым избавиться от налогов—не было возможности, ибо Аббасиды изобрели специальный способ ревизии и контроля. Для того, чтобы выявить уклоняющихся от налогов, Мансур приказал клеймить шею каждому, уплатившему подушную подать. Согласно свидетельству летописца VIII века Дионисия из Тель-Махре¹⁾, в Месопотамии специальные правительственные чиновники

¹⁾ См. „Chronique de Denys de Tell-Mahré“. Paris, 1895, p. 104.

клеймили уплатившим налоги не только шею, но, подобно рабам, также обе руки, грудь и спину.

Тяжелое налоговое бремя, как и гонения и насилия сборщиков податей нашли свое яркое отражение в следующем свидетельстве Гевонда в его „Истории“:

„И вместо него (Мервана) стал властвовать „Абдла“, который отправил своего брата, другого „Абдлу“, во все страны своего царства. Явившись сперва в страну Армян, этот „Абдла“ замучил всех множеством горестей и притеснений и довел их до нищеты и разорения, вплоть до того, что стал требовать налоги и с мертвых. Таким-же образом он подверг лютым страданиям множество сирот и вдов. Он замучил также священников и служителей божественного алтаря, подвергая их пыткам, побоям и позорным ударам прутьями, требуя, чтобы они сообщили имена умерших и их семейств. Он угнетал также жителей страны насильственными и жестокими налогами и, взимая с каждой головы множество серебряных драмов, клеймил всем шею свинцовой печатью“¹⁾.

Эти мучительные дни жестокого взимания налогов пережила не одна только Армения. Ал-Мансур, по словам Гевонда, направился из Армении в прочие страны халифата, отягчая повсеместно податное бремя и собирая налоги с той-же жестокостью. Недаром за свое безграничное сребрелюбие, за свою беспредельную жадность он даже своим собственным народом был прозван „отцом“ или „Абдулом данга“, т. е. слугой и почитателем исключительно денег.

При преемниках Мансура—Язиде, Багаре и Гасане, сменивших его в качестве правителей, налоговое бремя не только не облегчилось, но еще более усилилось. Аббасиды нуждались в крупных денежных средствах на поддержание расточительного и распутного образа своей дворцовой жизни. Требовались большие средства также на строительство только что основанного города Багдада. Вполне понятно, поэтому, что

¹⁾ См. „Историю Гевонда“, на арм. яз. СПб., 1887 г., гл. XXVIII, стр. 127.

при таких условиях должно было со дня на день ухудшаться положение, главным образом, трудового населения как в Армении, так и в прочих странах халифата. Аббасиды не питали доверия даже к своим арабским и персидским подданным. Последние постоянно устраивали восстания в разных частях государства. Главной опорой для власти халифов являлся не собственный народ; такой опорой служили им приведенные из Хорасана наемные тюркские войска, которым также нужно было отпускать продовольствие и выплачивать жалованье.

* * *

В правление востикана Язида, непосредственного преемника ал-Мансура, положение Армении стало критическим. В результате жестоких и насильственных мероприятий по взиманию налогов страна была в конце обессилена и обескровлена. В Армении, по свидетельству Гевонда (гл. XXXII) уменьшилось количество монеты и серебра; они почти исчезли.

Подобное истощение звонкой монеты, как указано в моем труде „О торговле и городах Армении“, изданном на русском языке¹⁾, не следует приписывать одним только налоговым платежам, крайне непосильным для населения; истощение это объясняется, главным образом, также и тем, что при арабском владычестве значительно отстала экономическая жизнь Армении и развивалась она на регрессивных основах натурального хозяйства.

В результате убыли и истощения монеты и драгоценного металла, последние, естественно, должны были беспредельно подниматься в своей стоимости. В это самое время, как удостоверяет в своей хронике Михаил Сириец²⁾, в Месопотамии

„вследствие жадности Джафара (т. е. ал-Мансура) до того уменьшилось серебро, что волов и ослов продавали по одному драму за голову; мальчиков-же отдавали сборщикам налогов за 5 драмов каждого“.³⁾

1) См. названное сочинение, стр. 133—136.

2) См. „Хронику Михаила, патриарха Сирийцев“, на арм. яз. Иерусалим, 1871 г., стр. 352.

3) Достоинно внимания то обстоятельство, что при арабском влады-

Многие,—рассказывает далее Михаил Сириец (стр. 352), —раскапывали могилы и искали в них золота и серебра для уплаты налогов.

Подобное положение, как видно из аналогичных свидетельств армянских историков, создалось и в Армении.

„Он (Язид) выкачал из страны,—пишет Гевонд,¹—наличие серебра и никто не мог выручить с продажи даже всего своего имущества необходимую для выкупа собственной жизни сумму. Тяжкими мучениями, пытками, виселицами и жестокими истязаниями губили жизнь людей. Потому то и многие бежали в пещеры и на неприступные скалы и скрывались там. Другие живьем зарывались в снега и погибали, иные—бросались в реки из за нестерпимого бедствия“.

Необходимо также отметить, что в Армении при первых Аббасидах не только неизмеримо усилились налоги, но и было положено начало уничтожению нахарарских автономных порядков и прежних привилегий. Согласно свидетельству Гевонда (гл. XXVIII) Аббасиды распорядились, чтобы жалованье армянской коннице впредь выдавал бы не халифат, как это было установлено Омейядами, а выдавали бы сами армянские ишханы. Обязательная повинность конницы, таким образом, превратилась, по выражению Гевонда, в „безвозмездный труд“.

В этих новых условиях сплошного гонения халиф ал-Мансур, естественно, не мог больше доверять армянским нахарарам. В 770 году вместе с востиканом Гасаном он направил в Армению тюркские войска.

Хищные и кровожадные наемники эти, искавшие лишь повода для опустошений и грабежа, производили отвратительные насилия над всеми слоями населения Армении. Отныне страна была предана во власть голода, меча и ужаса.

И вскоре вспыхнуло против арабского владычества все-

честве рабов было чрезвычайно много. У халифа Муавии, напр., в одних только аравийских поместьях было 4.000 рабов, у других—число это превышало даже 10.000. Высоко ценились, особенно, рабы ремесленники.

¹) См. издание Малхасяна и Эзяна, СПб. 1887, гл. XXXIII, стр. 135.

общее восстание, в котором значительное участие принимали рамики.¹⁾

* * *

Восстание это, о котором сообщает подробные сведения Гевонд, носило явно освободительный характер. Точную дату его возникновения, которая в исторических трудах определяется в большинстве случаев неправильно, Алишан относит к 774 году²⁾.

„Перед лицом нависшей великой опасности,— пишет Гевонд,— нахарары в отчаянии и в предвидении смерти, принялись за дело, которое не могло увенчаться успехом, так как они были крайне малочисленны. Однако они предпочли храбро умереть, но не жить в страданиях“³⁾.

Подстрекателями к восстанию и руководителями его, как почти всегда, оказались и на этот раз Мамиконяны. Руководство освободительными восстаниями они, повидимому, считали своей родовой миссией.

Против арабских насилий восстал первый— Артавазд Мамиконян. Притворившись верным и преданным другом арабов, он сперва явился в Двин, в административный центр арабского владычества и под тем предлогом, что готовится к походу против врагов халифата, вооружил здесь и экипировал свое войско. Затем из Двина он поспешил в Кумайри (нынешний Ленинакан), убил там главного начальника по податным делам и, захватив казну, перешел вместе с семьей и другими нахарарами в страну Егерю, находившуюся под суверенитетом Византии.

Через четыре года, в 778 году, этот-же самый Артавазд, которого византийский император назначил стратегом и правителем фемы Анатоликон, жестоко отомстил арабам. При содействии трех знаменитых византийских полководцев армян: Тачата Андзеваца, Варазтироца и Григориса он на

¹⁾ *Прим. ред.* Рамиками назывались в феодальной Армении закрепощенные крестьяне и низшие слои городского населения.

²⁾ Алишан. „Айрарат“, на арм. яз., Венеция, 1890 г., стр. 525.

³⁾ См. издание Малхасяна и Эзяна, на арм. яз., СПб., 1887 г., стр. 137—138.

нес арабам страшное поражение и разгромил их в Коммагене около города Германике.

Примеру Артавазда вскоре последовал Мушег Мамиконян, который перебил в своем владении всех арабов и, выселившись вместе со всем своим семейством в Кагызманскую область, укрепился здесь в крепости Артагерс. Отсюда он организовал набеги на область Багреванд, перебил сборщиков податей и арабские войсковые части и тем самым прекратил взимание налогов и насилия. Вокруг Мушега, — рассказывает Гевонд (гл. XXXIV, стр. 139) — собрались все угнетенные и разоренные. Арабские войска, двинутые против него из Карина и Двина, не только не имели успеха, но понесли крупное поражение и обратились в бегство.

Воодушевленные успехами Мушега, присоединились к нему почти все остальные нахарары со своими войсками. Восстание охватило широкие массы рамиков и вылилось в сплошное общенародное освободительное движение.

Терроризованные арабы, для которых главными опорными пунктами в Армении служили укрепленные города Двин, Карин, Арчеш и другие городские поселения, были вынуждены укрыться и укрепиться в них. И армяне, чтобы избавиться от тяжелого арабского ига, должны были, естественно, захватить, в первую очередь, неприятельские эти укрепления. Они напали сперва на один из таких главных военнопорных пунктов арабов — на город Карин, который находился недалеко от византийской границы. Окружив город, армяне провели вокруг его стен рвы и подкопы и повели правильную и длительную осаду крепости.

Весною 775 года в Васпуракане подняли восстание против арабов нахарары из родов Арцруни и Амадуни, решившие напасть на другой крупный центр арабского владычества, на город Арчеш. Свои конные отряды вместе с сопровождавшими их пешими рамиками они сосредоточили у селения Беркри. Однако не успели они еще начать наступление, как с юга, через город Хлат вторглось в Армению тридцатитысячное отборное войско халифата под предводительством полководца Амра.

Ашот Багратуни, который не примкнул к восстанию, предупредил нахараров о грозящей им опасности. Но восставшие, приняв это предупреждение за вероломство, решили напасть на Арчеш. Однако войска Амра, устроившиеся до этого в засаде, неожиданно пошли на них атакой и, обратив конницу в бегство, перебили, главным образом, безоружных и неопытных в военном деле пеших рамиков. Из нахараров, по свидетельству Гевонда, были убиты лишь четверо: трое—из рода Труни и один—из селения Урца.

Точная дата битвы при Арчеше у историка Гевонда указана (гл. XXXIV, стр. 147) „в субботу, в четвертый день месяца хротиц“, что, по точным календарным вычислениям, соответствует субботе 15 апреля 775 года нашего летоисчисления.

В то время, как разыгрывались эти события под Арчешом, осажденный Карин был близок к падению в виду усилившегося внутри крепости голода. Но весть о победе полководца Амра вызвала среди осаждавших разочарование и уныние. Неудача восстания и его неизбежно печальный исход—были очевидны. Под Карином армяне располагали всего около пятью тысячами бойцов, состоявших в большинстве из пеших и легко вооруженных рамиков. Амр-же шел на них с хорошо вооруженной конницей в 30.000 человек.

Немногочисленное армянское войско, как утверждает Гевонд, имело возможность уклониться от боя с неприятелем, вшестеро превосходившем его. Восточные границы Византии, как известно, находились недалеко от Карина.

Однако повстанцы,—говорит Гевонд—

„решили, что лучше умереть, чем видеть гибель своей страны... и, хотя численно уступали неприятелю, они добровольно пошли на встречу грозившей их жизни опасности. Собрав все свои отряды, они в числе около 5.000 бойцов ушли из под Карина и через Басен пришли в область Багреванда“¹⁾

Здесь, именно в Багреванде, к югу от долины Арацания, около села Ардзни и произошло сражение двух армий.

¹⁾ См. изд. Малхасяна и Эзяна, на арм. яз., СПб., 1887 г., гл. XXXIV, стр. 148.

В начале армянское войско с яростью напало на превосходившее его силы войско неприятеля и произвело в его рядах сильное смятение. Однако вскоре войска Амра напали на незначительные силы армян и, обратив их в бегство, перебили большую часть, главным образом рамиков. Из знатных нахараров пали на поле брани спарапет¹⁾ Смбат Багратуни, соратник его одного с ним ранга—Саак Багратуни, полководец Мушег и Самвел, оба из рода Мамиконян, а также Ваган Гнуни и другие. По подавлении восстания арабский полководец организовал повсеместные набеги по Багреванду и его смежным областям, предав эти страны мечу и опустошению.

Багревандское сражение около селения Ардзни,—как и сражение под Арчешом,—произошло, по свидетельству Гевонда, „в понедельник, в XIV день того-же армянского месяца хротиц“²⁾ На основании простых правил календарного вычисления цифру XIV в этом свидетельстве Гевонда следует переправить в XIII, и тогда мы получим точную дату Багревандского сражения в ее годовом, месячном и дневном выражениях, а именно: понедельник, 24 апреля 775 года.³⁾

Всенародное освободительное движение 775 года в Армении должно рассматриваться, несомненно, как одна из величайших героик армянского народа. Умереть смертью храбрых и не покидать родной страны—всегда было лозунгом героических и мужественных народов.

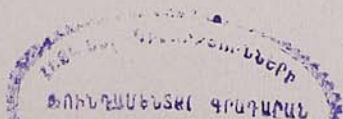
* * *

История Армении за последнюю четверть восьмого века, после подавления восстания 775 года, представляет непрерывную хронику периодической резни и беженства, тяжких налоговых поборов и разбойничьих грабежей, всякого рода насилий и гонений.

¹⁾ Прим. ред. Спарапеты были высшими военачальниками и командующими войсками феодальной Армении.

²⁾ Там-же, стр. 151.

³⁾ Дата сражений под Арчешом и Ардзни в научно-исторических трудах определяется в большинстве случаев неправильно. Год этих сражений правильно указан в „Айрарате“ Алишана (стр. 525). Однако число месяца и у него указано неправильно—25 апреля вместо 24 апреля.

После сражений под Арчешом и Ардзни семейства восставших нахараров, главным образом, Багратидов и Мамиконянов, были вынуждены покинуть свои поместья в Багреванде и юго-западной Армении и бежать или в Византию или же в западные укрепленные и неприступные горные районы Армении, расположенные по близости от Византии или граничившие с последней.

Нахарарские поместья в покинутых районах постепенно переходили в руки мусульманских и арабских эмиров и помещиков, которые доставшиеся им таким образом пустовавшие владения заселяли большей частью арабскими племенами, иммигрировавшими в Армению. В конце восьмого и в начале девятого веков в этих частях Армении образовались два магометанских и могущественных эмирата—Маназкертский и Ардзинский. В Армении начался уже постепенный распад и других нахарарских родов и хозяевами положения в большей части страны успели сделаться мусульманские и арабские властители.

Описывая исторические события этого периода Иоанн Драсханакертский дает следующее важное свидетельство о распаде армянских нахарарств:

„И так как,—пишет Драсханакертский,—агаряне взяли и совершенно завладели Арменией, знатные-же люди страны уменьшились в числе, а оставшиеся скрывались, находясь на службе под их игом,—поэтому в этой части нашей истории мало рассказов о наших ишханах. И если, быть может, окажется что рассказать о них, то пусть будет с тебя достаточно и того, что до меня рассказал историк Шапух“¹⁾

Любопытные сведения о печальном положении армянарамаиков в конце восьмого века сообщает и историк Гевонд. Отметив эмиграцию из Армении в Византию около 12.000 армян, главным образом, знати и всадников во главе с Шапухом Амагуни (вероятно в 791 году), Гевонд рассказывает, как

„половина населения, оставшаяся в стране, отда-

¹⁾ См. „Историю Армении“ Иоанна Драсханакертского, на арм. яз., Тифлис, 1912 г., стр. 111.

лась, вследствие крайней нужды, рабской службе и сделалась, подобно габавонцам, дровосеками и водовозами“.¹⁾

После неудавшегося восстания 775 года армянские нахарары, как видно из приведенных и других сообщений, лишились не только значительной части своих автономных прав и привилегий, но и своей военной мощи и силы сопротивления; они переживали период распада.

Очувшись в столь тяжелом положении, высшая армянская знать была вынуждена, для сохранения своих поместий и привилегированного положения, приспособиться и принориться к завоевателям. Некоторые из них, как например, Меружан Арцруни, приняли мусульманскую религию. С самого начала последней четверти восьмого века армянская высшая знать старается подружиться и породниться через смешанные браки с арабскими эмирами и властителями. Определенными показателями подобного приспособления можно считать и то, что с этого времени среди представителей армянской знати постепенно становятся обычными арабизированные имена армян, как Абул-Абас, Абу-Мерван, Абу-Саак, Абу-Мусе и т. д.

В конце восьмого века, в период разрухи, беженства, великих переселений и опустошений, вихрем пронесшихся над страной, армянский феодализм переживал, по моему, свою мучительную предсмертную агонию. Окончательный распад его казался неизбежным. Вскоре, однако, уже в первой половине девятого века, неожиданно, складываются новые политические условия, вполне благоприятные для его возрождения. В течение девятого века он постепенно вновь усилился, а в царствование Багратидов развитие Армении достигло беспримерного и бурного экономического и политического расцвета.

* * *

Новому усилению нахарарской Армении чрезвычайно способствовали смуты и волнения, возникшие в халифате и ставшие с девятого века почти постоянными.

¹⁾ См. вышеозн. издание 1887 г., гл. XLII, стр. 169.

Багратиды, ушедшие после восстания 775 года в западные горные районы Армении и находившиеся там под покровительством Византии, с напряженным вниманием следили за политическими событиями, происходившими в пределах халифата.

В 793—794 г.г. в Партаве и Пайтакарне вспыхнуло крупное восстание персидских сектантов под предводительством Ата-эль-Муканни. Повстанцы не только сумели нанести несколько поражений высланным против них арабским востиканам, но и сами перешли в наступление и около четырех месяцев держали в осаде город Двин. Описывая эти события, арабский историк Якуби в своей „Истории“ особо отмечает, что после этого „усилилась мощь Армении“.¹⁾

Параллельно этой великой смуте возобновились в то время яростные и бесконечные войны между халифатом и Византией—с одной стороны, между халифатом и хазарами—с другой. При таких условиях, естественно, получали определенную политический вес и значение даже изнуренные и ослабленные остатки армянских нахараров. Для халифата теперь могли стать особо опасными Багратиды и, прежде всего, те из них, которые нашли убежище в районах, пограничных с Византией—в Спере, Тайке и Кларджии—и завязали дружественные отношения с империей. И потому халиф Гарун-ар-Рашид (785—809 г.г.) был вынужден придерживаться в отношении их политики мягкости и уступчивости.

Именно при Гарун-ар-Рашиде удалось Ашоту Багратуни, сыну спарапета Смбата, павшего в битве под Ардзни, утвердить—отчасти куплей, отчасти силою оружия,—свою власть в Тайке, Аршарунике, Шираке и Ашоцке. Центром господства этой ветви Багратидов в вновь завоеванных областях сделался сперва Багаран на реке Ахурян, а затем—„Еразгаворк--Ширакаван“. В 806 году Гарун-ар-Рашид назначил правителем Армении Ашота Мясоеда, который тем самым получил возможность с еще большим успехом продолжать свои дальнейшие завоевания.

В Армении к этому времени весьма заметно усилился

¹⁾ См. Маркварт. „Происхождение Багратидов“. Перев. на арм. яз. Вена. 1915 г. стр. 38.

Маназкертский эмират, занимавший значительную часть страны и поставивший себе целью основать свое отдельное, независимое от халифата, крупное государство и объединить под своей властью нахарарские области с озера Ван до реки Аракса. Маназкертские эмиры, происходившие от сирийско-арабского племени кайситов и известные в армянских письменных источниках под названием „Кайсики“, являлись, по-видимому, непримиримыми противниками господствовавших иракско-арабских племен и Аббасидов. В течение первой четверти девятого века они неоднократно поднимали восстание против востиканов Двина и Партава. Ашот Мясоед с братом своим Шапухом использовал и эти раздоры, чтобы отвоевать Тарон у Маназкертских эмиров.

Для Багратидов и вообще для армянских нахараров оказалась благоприятной также упорная борьба за престолонаследие, которую в течение 809—813 г.г. вели между собой сыновья Гарун-ар-Рашида—Мамун и Эмин. Армянские нахарары успели во время перейти на сторону Мамуна и использовали и эти их раздоры.

Через несколько лет по окончании этих междоусобиц в восточном Закавказье вспыхнуло крупное восстание персидских сектантов под предводительством Бабек, объявившего себя „Махди“, т. е. воплощением божественного существа. Это грозное движение носило характер, одновременно, социальный и освободительный. Подобно Маздакитам повстанцы требовали общности имущества и жен, преследуя одновременно цель ниспровергнуть арабскую власть и восстановить прежнее персидское владычество. Бабек, известный в армянской историографии под именем „Бабан“, в продолжении почти двадцати лет наводил ужас на арабов и, разбивая постоянно их войска, завладел Мидией, Хамаданом, Азербайджаном и восточной Арменией. Восстание было окончательно подавлено лишь в 837 году; Бабек-же, схваченный владетелем Албании и Шаке, Сахлом, был обезглавлен в 838 году.

В подавлении восстания Бабек, вместе с войсками халифата участвовали со своими войсками и армянские нахарары. Этим они в значительной мере использовали и эти

раздоры, и укрепив свои политические позиции, получили возможность завладеть новыми районами и поместьями.

В конце восьмого века, после восстания 775 года, Багратиды и прочие армянские нахарары, как мы видели, пережили период полного разложения, близкого к состоянию агонии. В конце-же сороковых годов девятого века все они, особенно Багратиды, успели не только восстановить свою былую мощь, но стали сильнее, чем в восьмом веке до восстания.

После смерти Ашота Мясоеда (в 826 г.) отдельные ветви Багратидов правили и властвовали как в большей части своих прежних владений, так и почти во всем западном Закавказье.

Не говоря о Ширакской ветви Багратидов, заслуживает упоминания Кларджская или Артануджская ветвь этого дома. Дядя Ашота Мясоеда, Васак, бежавший после восстания 775 года в Кларджию, основал здесь Артануджское княжество. Преемникам его удалось расширить границы своих владений и завладеть Колавером и Ардаганом. Впоследствии, распространяясь на северо-восток по долине реки Куры, они завладели постепенно всей Грузией и здесь они стали основателями новой династии—Багратидов.

К концу первой половины девятого века армянские нахарары, главным образом, Багратиды и Арцруниды, усилились до того, что уже домогались восстановления полностью своих привилегий и расширения по возможности своих политических прав и внутренней независимости.

* * *

После смерти Ашота Мясоеда (в 826 году) спарпетом Армении был назначен сын его Смбат Аблабас; „повелителем“ же и „ишханац ишхан“-ом (князем князей) был назначен Багарат Багратуни, ишхан Тарона. Пользуясь слабостью арабской власти, армянские нахарары, теперь уже не терпят жестокостей и насилия правителей, назначаемых в Армению. Все чаще они обращаются к халифам с требованиями о назначении правителей из числа угодных им лиц. В 840 году, напр., армянские нахарары со спарпетом Смбатом во главе заставили халифа ал-Мутасима отозвать Халида, только что назначенного востиканом и оставить в этой должности

Алия. Последний, которого они называли не иначе, как „этим“, т. е. сирота, оказался для них приемлемым именно благодаря своему слабому и мягкому характеру.

В 842—847 г.г. при халифе ал-Ватаке Армения, по свидетельству арабских источников, вся находилась в состоянии постоянной смуты и непрерывных восстаний. Судя по этим арабским источникам не трудно догадаться, что Багратиды, равно как и Арцруниды, учитывая военное и политическое ослабление халифата, стремились, повидимому, по примеру соседних магометанских эмиров, к освобождению от арабского владычества. Вскоре, однако, выяснилось преждевременность их надежд.

В 847 году на престол халифата вступил Мутаваккиль (847—861 г.г.), который вел решительную и стойкую политику. В первые же годы своего царствования он, как свидетельствует Фома Арцруни (II, гл. V), поставил себе целью подавить и покарать дерзких армянских нахараров.

В 849 году он отправил в Армению в качестве наместника и начальника по податным делам—Абусета. При приближении последнего к Тарону „ишханац ишхан“ Багарат, учитывая силу его мощной армии, поспешил уплатить ему всю налоговую сумму и просил его не вступать с армией в Армению. Фома Арцруни удостоверяет, что Мутаваккиль и Абусет намеревались лишить власти именно Багарата и Ашота Арцруни. Но, получив сведение, что Багарат и Ашот заключили союз и действуют сообща, Абусет уклонился от боя и вернулся в Багдад. Прежде чем вернуться обратно, он оставил в качестве наместника и сборщика податей—Мусу, эмира нижнего Ахдзника и города Арзна, женатого на сестре Багарата.

В 850 году эмир Муса, который был в ссоре со своим шурином, вступил с войсками в Тарон под предлогом взимания налогов. Но к Багарату поспешил на помощь Ашот Арцруни. При поддержке Васпураканских войск Багарат нанес арабам тяжкое поражение и произвел среди их войск такой розгром, что сам Муса едва спасся бегством. Еще раньше этой таронской битвы тем же Абусетом был послан

в Васпуракан для сбора налогов азарапет¹⁾ „Ала Цовапи“, происходивший из рода Маназкертских „Кайсик“-ов. Утвердившись в Ахбаге, Цовапи стал разорять отдельные районы Васпуракана, предавая их опустошению и грабежу. Но Ашот Арцруни нанес ему крупное поражение и прогнал его из пределов Васпуракана.

Возмущенный известием об этих событиях, Мутаваккиль вновь послал в Армению Абусета, поручив ему арестовать Багарата и Ашота. Арабские войска должны были вторгнуться в Тарон и Васпуракан и здесь именно в первую очередь уничтожить армянские нахарарства. По дороге в Армению, не дойдя до ее границ, умер Абусет. Должность востикана, равно как вышеуказанные поручения, были поэтому переданы его сыну—Юсуфу.

В 851 году Юсуф вместе с крупной и отборной армией явился сперва в Васпуракан и расположился лагерем в родовом поместье дома Арцруни—в Адамакерте. Отсюда он разослал людей в разные части страны на грабежи и одновременно пригласил к себе Ашота, желая обманным путем арестовать его. Предупрежденный об этом его намерении, Ашот собрал свою дружину и вместе с нею удалился в Мардастан.

Вскоре, однако, Юсуф заключил мир с Ашотом и, взяв у него заложников и обеспечив себе тыл, пришел в Хлат. Багарат, таким образом, оказался предоставленным собственной судьбе. Юсуф сообщил Багарату, что он из за зимних холодов спешит вернуться в Багдад и власть в Армении хочет передать ему. Введенный этим заявлением в обман, Багарат явился к Юсуфу, который заковал его и отправил в Самарру, где в то время находился Мутаваккиль.

Затем были посланы во многие районы Армении областные правители, которые произвели повсеместно жестокую расправу. А в самом Тароне арабские войска взяли много пленных, часть которых они продали за ничтожную цену в Сирии и в других странах; другую-же часть оставили в го-

¹⁾ *Прим. ред.* Азарапетами или „тысячник“-ами называли в эту эпоху высших должностных лиц, на которых, главным образом, была возложена обязанность сбора государственных налогов.

роде Муше в качестве прислуги в зимних квартирах востикана и своих. Весною они собирались предать мечу и опустошению всю Армению и предполагали, уничтожив армянские княжества, утвердить в стране свое непосредственное владычество.

Положение Армении теперь становилось столь же бедственным, как и в конце восьмого века. Опасность грозила не только господствующему нахарарскому сословию, но и всему народу. Поэтому и теперь стихийно разгорелось всеобщее восстание, носившее как и в 775 году, характер освободительного движения. Описание этого крупного восстания, в частности описание событий, разыгравшихся в 852 году в Тароне, дал нам Фома Арцруни. События эти упоминаются и в арабских источниках.

Привожу соответствующее свидетельство Фомы Арцруни без сокращений.

„В то время,—рассказывает Фома,—жители гор, видя, что ишхана увели в плен и что их самих ожидает такая-же участь, какая постигла жителей долины, пришли дружно массами, партизаны Хута, с изготовленными ими же боевыми средствами, которыми они располагали в борьбе за самозащиту в зимних условиях. Они захватили с собою копья, которые они носили постоянно, отбиваясь от зверей, скрывавшихся в лесных логовищах, или от нападавших неприятелей. Атаковав Муш и обложив его, они перебили арабское войско, освободили из тюрьмы заложников Васпуракана, выпустили пленных и разделили между собой неприятельскую добычу“¹⁾

В дальнейшем изложении своего рассказа Фома Арцруни сообщает также, что Сасунские горцы, напавшие на арабские войска под предводительством Овнана Хутского, убили в битве и самого востикана Юсуфа.

Особенно знаменательно то, что, как видно из рассказа Фомы, восставшие сасунцы состояли не из „азатов“ или „знатных“, а явно из рамиков—крестьян.

Сведения, сообщаемые им о жителях Хута, представ-

¹⁾ Фома Арцруни. „История дома Арцруни“, на арм. яз. Изд. Паткапяна. СПб. 1887 г., II, гл. VII, стр. 119—120.

ляют столь исключительный интерес, что я считаю необходимым привести их полностью.

„Здесь вкратце дам я,—говорит Фома Ардруни,—характеристику жителей горы: кто и каковы они или каким образом в тяжком труде и в ужасных условиях они добывают себе пропитание и удовлетворяют свои насущные нужды. Жилища их находятся в глубоких оврагах, в горных ущельях, в лесных гущах и на горных вершинах. Живут они родами и так далеко друг от друга, что если кто из сильных мужчин закричит что есть мочи, то гул голоса его едва-ли где будет услышан, и произведет впечатление эхо среди скал. Половина населения отвыкла от родного природного языка, так как живут они в далеких местах и не имеют общения между собою. Говорят они друге другом на отрывочном и странном языке. И до того чужды и так непонятны они друг для друга, что даже нуждаются в переводчиках. В пищу употребляют они всякие бобовые, главным-же образом, так называемое просо, которое в голодные годы у них именуется хлебом. Просо они орошают ногами (?) на полянах или сеют двурогими вилами. Для прикрытия своей наготы они одевают шерстяную одежду. Обувь изготовляют в виде сапогов из козьей кожи. Летом и зимою они удовлетворяются одной и той-же пищей и одной и той-же одеждой“¹⁾.

Сведения, сообщаемые Фомой о жителях Сасуна, представляют чрезвычайную ценность. Из этих сведений видно, что Хутцы еще в девятом веке находились в первобытном—экономическом и социальном—состоянии, жили родовой жизнью и имели отсталое земледельческое хозяйство.

Любопытно, в частности, то, что часть Хутцев говорила, повидимому, не на армянском, а на каком-то непонятном языке. В дальнейшем изложении Фома Ардруни язык этот считает „чуждым и не поддающимся исследованию“; повстанцев-же, говорящих на этом языке, называет „сирийскими простолюдинами“. Однако, опираясь на новейшие ис-

¹⁾ Фома Ардруни. „История дома Ардруни“ стр. 120—121.

следования, можно, по моему, с большим вероятием утверждать, что они были не сирийскими простолюдинами, а, вероятно, халдами или урартийцами, которые, как известно, постепенно слились с пришлыми армянами и вместе с последними считаются предками армян (хай-ов). Свидетельство Фомы Арцруни весьма ценно, поскольку оно указывает, что остатки древних халдов сохранились до девятого века в нагорном Сасуне.

Всеобщее большое восстание 852 года, носившее явно народно-освободительный характер, было подавлено с неумолимой жестокостью. Мутаваккиль направил в Армению тюркские и арабские войска в количестве до двухсот тысяч человек под предводительством Буги, который предал всю страну мечу, пленению и опустошению, и прежде всего безжалостно замучил жителей Тарона и Сасуна. Армянские нахарары и главари восстания были заключены в тюрьму и затем отправлены в Самарру, где они, почти все, приняли магометанство, чтобы спасти жизнь и имущество.

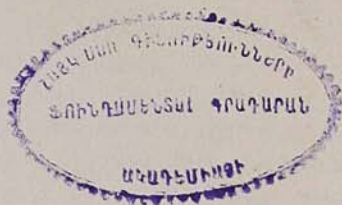
После нашествия Буги, нахарарская Армения, подвергшаяся ужасному разгрому, казалось, не была в состоянии притти в себя и возродиться. Однако вскоре, как и после восстания 775 года, она не только сумела восстановить свою прежнюю мощь, но и вступила в период бурного и беспрецедентного расцвета своей экономической, политической и культурной жизни.

Во второй половине девятого века начались победоносные нашествия византийских императоров в приграничные с Арменией юго-западные области и халифат, постоянно терпевший поражение за поражением, постепенно ослабевал и шел к упадку.

В 867 году на византийский престол вступил армянин — выходец из Македонии, по имени Василий. До этого он был конюхом при византийском дворе и благодаря своей красоте был первым любимцем придворных дам. В своей „Истории византийских императоров“ немецкий ученый Г. Гельдер утверждает, что император Василий I (867—886 г.г.), основатель Македонской династии, „принадлежал к числу тех ге-

ниальных и беспредельно сильных характеров, как Сулла, Теодорих, Хлодвиг и Наполеон I¹⁾

Это тот самый Василий, который своими сокрушительными ударами шаг за шагом уничтожил на восточных границах укрепленные оборонительные позиции арабов и сумел вторгнуться в Месопотамию. При этом победоносном продвижении Византии ориентация нахарарской Армении, естественно, приобретала весьма важное значение. Победа Василия I, по мнению французского ученого Лорана,²⁾ была бы полной, если бы и армяне с своей стороны напали бы на правый фланг арабов и помогли бы ему войти в центральные области халифата. Этой, именно, ситуацией и угрожающим стратегическим положением Армении объясняется, по мнению Лорана, резкая перемена политики халифата в отношении армянских нахарарств и, в особенности, в отношении Багратидов. В 885—886 г.г. Ашот Багратуни получил от халифа Мутамида (870—892 г.г.) корону и титул царя. Наступила новая эпоха быстрого возрождения и усиления Армении, эпоха, которая продолжалась до нашествия сельджуков.

¹⁾ См. названный труд Гельдера в переводе Месропа Тер-Мовсисяна на арм. яз. Эчмиадзин, 1897 г. стр. 194.

²⁾ См. „Армения между Византией и Исламом“ (на франц. яз.). Париж, 1919 г., стр. 260 и сл.

~~Цена 2 р. 50 к~~ 1р.

п. 1
674